

ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2008 г. А. В. Юревич

*Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор,
заместитель директора Института психологии РАН, Москва*

Делается предположение, что саморефлексия психологии свелась преимущественно к методологической рефлексии, т.е. к осмыслению развития психологического знания. Обосновывается актуальность анализа процессов, происходящих в психологическом сообществе, а также его взаимоотношений с обществом, что должно стать предметом социологии психологии. Рассматриваются основные тенденции в развитии мирового и отечественного психологического сообщества, взаимоотношения психологической науки и практики в современном российском обществе. Показано, что психологическая культура нашего общества носит “закрытый” характер, психология занимает в современной России по сравнению с другими социогуманитарными дисциплинами скромное место, которое не соответствует ее возможностям и амбициям.

Ключевые слова: психология, общество, психологическое сообщество, социология психологии, психологическая наука и практика, современные тенденции, психологическая культура.

САМОРЕФЛЕКСИЯ ПСИХОЛОГИИ

Термин “рефлексия” – одно из наиболее популярных понятий психологической науки. Однако известная формула “сапожник ходит без сапог” применима и в данном случае: активно применяя этот термин и изучая различные виды рефлексии, психологическая наука испытывает дефицит рефлексии, обращенной на саму эту науку.

Подобное утверждение может показаться чрезмерно категоричным. Ведь методологическая саморефлексия психологии – и как науки, и как области практической деятельности – в последние годы обнаруживает все основные признаки “пассионарности”. Методология психологии, еще совсем недавно казавшаяся одной из наиболее скучных и малоактуальных областей психологического исследования, сейчас, если судить по количеству посвященных ей книг, статей, конференций, семинаров и т.п., превращается в одно из его наиболее “разогретых” тематических полей.

Однако саморефлексия науки не сводится только к ее *методологической* рефлексии. К основным разделам науковедения как науки о самой науке, т.е. ее саморефлексии, принято относить не только философскую методологию науки, но также социологию науки, психологию науки, экономику науки, организацию науки, на-

учную политику, наукометрию и др.¹, а ее саморефлексия, выстроенная в рамках лишь одного из этих направлений, обречена на заведомую неполноту и односторонность. Вследствие сведения саморефлексии психологии преимущественно к ее методологической рефлексии отсутствуют полноценный анализ *социальных* процессов, развивающихся в нашем психологическом сообществе, а также его “инвентаризация”, сведения об общем количестве психологов в современной России, их распределении по основным видам психологической деятельности и многое другое.

Несколько упрощая реальную структуру науковедения, его основные разделы можно свести к изучению: а) закономерностей развития научного знания (а также его состояния, основных способов и трудностей его построения и т.п.), б) основных характеристик и тенденций развития научного сообщества. Первый блок проблем относится к *когнитивному* контексту науки, изучаемому логикой, философией и методологией, второй блок охватывает ее *социальный* контекст, изучаемый социологией, психологией, экономикой на-

¹ В изданном в 1985 г. коллективном труде “Основы науковедения” [15] выделяются его 5 основных разделов, в вышедшей ранее книге “Социологические проблемы науки” [23] – 6, в книге П.А. Рачкова [18] – 16, в работе Н.И. Родного [19] – 8, в статье С.Р. Микулинского [9] – 5. Но большинство подобных систематизаций науковедения выделяют описанные выше разделы в качестве основных.

уки и другими разделами науковедения. Саморефлексия психологии свелась преимущественно к анализу ее когнитивного контекста, в то время как ее социальный контекст практически выпал из поля этой рефлексии², а скажем, такая дисциплина, как социология психологии, пока не сформировалась, в чем психологическая наука явно отстает от науковедения в целом. Подобная область знания способствовала бы более всесторонней и адекватной саморефлексии психологической науки. Можно обозначить и основные контуры ее предмета как охватывающего: 1) анализ социальных процессов, разворачивающихся в психологическом сообществе; 2) изучение его взаимоотношений с обществом; 3) исследования воздействия социальных факторов на процесс производства психологического знания.

Таким образом, сведение рефлексии психологической науки преимущественно к методологическому аспекту препятствует не только выявлению процессов, происходящих в самом психологическом сообществе – отечественном и мировом, во многом определяющих общий облик психологической науки, но и адекватному пониманию места психологии в современном обществе, необходимому для определения перспектив и ключевых направлений ее развития.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО

И.Е. Сироткина и Р. Смит пишут, что «Из скромной по размерам академической университетской дисциплины, какой она была в предшествующее столетие, психология превратилась в масштабную научно-практическую сферу деятельности и заняла доминирующее место в культуре западных обществ ... Все это дало повод говорить о современном западном обществе как “психологическом” – опирающемся на психологию в решении и каждодневных проблем индивида, и глобальных социальных проблем» [22, с. 114]³. Отмечается также, что осуществляемая психологами “консультативная работа с личностью, семьей, аномалией и др. стала к концу второго ты-

сячелетия для западной цивилизации важнейшим делом” [25, с. 190], “становление научной психологии существенно продвинуло в развитии все наиболее значительные моменты обыденной психологии” [там же, с. 201]. Констатируется и “прогресс как в профессионализации научного сообщества (психологического. – А.Ю.), так и во взаимном движении навстречу психологов и непрофессиональных пользователей психологического знания” [7, с. 126]. А еще ранее один из классиков отечественной методологической мысли – Г.П. Щедровицкий – подчеркивал, что “психология – это не наука, но нечто значительно большее: это и некоторое видение мира, т.е. это и весь мир, взятый в определенном повороте, ракурсе” [28, с. 141]⁴.

Отслежен ряд знаковых тенденций в развитии психологической науки и практики. Среди них, прежде всего, *рост численности психологов*. И.Е. Сироткина и Р. Смит констатируют, что “экспансия психологии в западном мире началась примерно с 1940-х годов (некоторые авторы называют и более ранние сроки – 1920-е годы), когда начался массовый приток психологов в такие области, как медицина, армия, бизнес, образование” [22, с. 114]. Но особо значительный рост их численности пришелся на конец истекшего столетия. С 1980 по 1991 г. количество психологов в мире удвоилось, однако, несмотря на это, в 1991 г. их было в 12 раз меньше, чем физиков [36]. В собственно исследовательскую активность тогда было вовлечено не более 15% психологов, почти половина которых работала в США, а примерно половина публикаций по психологии выходила на английском языке. Т.е. в количественном плане почти “половину” мировой психологической науки составляла американская психология, что вызывало понятную озабоченность психологов из других стран (см. [1]).

Вообще же в развитых странах на душу населения приходится примерно в 20 раз больше психологов-исследователей, чем в развивающихся. В 1991 г. в развитых странах насчитывалось 347 психологов на миллион населения, а психологов-исследователей – 82, в то время как в развивающихся странах – 84 психолога на миллион жителей, а психологов-исследователей – только 3.6% [36]. Таким образом, хотя психологическая культура, предполагающая распространение и практической, и исследовательской психологии, прогрессирует в разных странах, все же она более характерна для индустриально развитых государств. Это подтверждает известную закономерность: внимание к психологическим проблемам более харак-

² В качестве частных исключений из этого общего правила можно выделить отдельные социальные элементы истории психологии – биографические данные и т.д., присутствующие в соответствующих книгах, а также иногда выносимое на страницы психологических изданий “выяснение отношений” между психологическими школами и конкретными психологами, в процессе которых нередко предпринимаются обращения к социальному контексту науки. Однако и то, и другое, равно как и психобиографии самих психологов [11] трудно считать систематическим изучением психологического сообщества.

³ В этой связи Ф. Риф подчеркивает, что к середине XX века доминантным типом западной культуры стал Человек психологический, сменив Человека морального и Человека экономического (см. [22]).

⁴ Р. Коллигвуд выразил похожую мысль гораздо менее лестным для психологии образом, определив ее как “модное наукообразное мошенничество эпохи” [6, с. 376], вместе с тем подчеркнув, что “она и есть то знание, которого ищет мир” [там же].

терно для благополучных в экономическом отношении государств, в то время как в менее развитых странах, не решивших своих базовых экономических и социальных проблем, психология значительно менее востребована.

Общая численность психологов в стране коррелирует и с другими факторами. Например, с тем, насколько давно в ней существуют психологическая наука и практика, а также со стабильностью правительств и институций [там же]. М. Розенцвейг предлагает S-образную модель количественного роста национальных психологических сообществ, предполагающую, что в большинстве стран численность психологов сначала нарастает медленно, затем – быстро, а впоследствии период быстрого роста их численности сменяется периодом более медленного, устойчивого роста. Однако Розенцвейг подчеркивает, что возможны как политические ситуации, замедляющие возрастание численности психологов, так и социальные изменения, порождающие изменения отношения к психологии. И те, и другие способны вносить коррективы в S-образную кривую [там же].

В разных странах, начиная с США 40-х гг. прошлого века, развернулось и движение за *легализацию статуса психолога*, выделение этой деятельности как самостоятельной профессии и ее разграничение с близкими видами деятельности – медициной, психиатрией и т.д. [там же]. Но, пожалуй, ни в одной стране мира этот процесс не идет так мучительно, как в России, где кто только не выступает от имени психологии, повсеместно существуют так называемые “сокращенные” психологические курсы, дающие суррогаты психологического образования, нет никаких законодательных механизмов, препятствующих проникновению в психологию дилетантов и шарлатанов. При этом многолетние попытки создать такой механизм пока не увенчались успехом, что подтверждает репутацию современной России как страны победившего ее либерализма (автор использует парфраз известного выражения Ф.М. Бурлацкого), где можно все и возможно все.

Представляют интерес данные проведенного в 1991 г. опроса представителей психологических организаций разных странах, направленного на выявление того, что служит препятствиями проведению высококачественных психологических исследований. Большая часть опрошенных в качестве главного препятствия назвала недостаток финансирования [там же], который, как видим, является не чисто российской, а международной проблемой. При этом опрошенные отмечали, что фундаментальная наука во всем мире испытывает трудности с финансированием, но психология оказалась в худшем положении, чем другие дисциплины. Немало опрошенных психологов было убеждено, что психология находится в поло-

жении “униженной и оскорбленной” по сравнению с другими науками. Отмечалась возможность порочного круга: если финансирование психологии не улучшится, она будет обладать недостаточными возможностями решения наиболее острых социальных проблем, что приведет к еще худшей ситуации с ее финансированием [там же].

Вместе с тем психология как наука получает все большее признание, что находит выражение в самых разных показателях, в частности, в большом внимании к ней со стороны СМИ – несмотря на то, что широко распространено восприятие психологии как “гуманитарной, литературной, философской, качественной, интуитивной дисциплины, а не науки” [там же, с. 61]. Две трети опрошенных Розенцвейгом психологов констатировали, что социальное признание психологии в обществе возрастает, хотя пока и остается недостаточно высоким, уступающим социальному статусу естественных наук.

Вполне достойно психологическая наука выглядит и по библиометрическим показателям. Так, на момент написания данной статьи публикации по социогуманитарным наукам составляли 8.17% общего мирового потока научных публикаций, а наибольший удельный вес среди этих наук имела именно психология – 2% или 75 тыс. публикаций в год, в то время как, скажем, экономика – лишь 1% [8].

“Сейчас психологическая наука – это часть жизни и культуры во всех индустриальных странах и во многих развивающихся”, – констатирует М. Розенцвейг [36, с. 70]. Вместе с тем, он отмечает, что для непосвященных, а к таковым принадлежит большая часть общества, в том числе и западного, очень характерно непонимание различий между психологией, психиатрией, неврологией и психоанализом, и к тому же объединение ее с такими псевдонауками, как астрология [там же]. Отметим, что трудности по различению психологических и околопсихологических видов деятельности, непонимание различий между психологами, психиатрами, психотерапевтами, психоаналитиками, усугубляемое тенденцией “примазывания” к психологии астрологов, энерготерапевтов и т.д., еще более характерно для нашей страны.

Возникают проблемы и с классификацией психологии в системе наук, причем в разных странах это делается по-разному. Так, опрос, проведенный М. Розенцвейгом, продемонстрировал, что психология квалифицируется и как естественная наука, и как биологическая, медицинская, поведенческая, образовательная, гуманитарная наука, и как научная дисциплина совершенно особого типа, причем ее классифицируют по-разному не только в разных странах, но и в различных университетах одной и той же страны, и даже в рам-

ках одного университета сосуществуют ее различные понимания [там же].

Обнаружилась также любопытная связь между уровнем развития страны и статусом психологии. В развитых странах психология чаще, чем в развивающихся, классифицируется как биологическая наука, а в развивающихся – как социальная, т.е. тенденция приписывать психологии статус естественной науки коррелирует с уровнем развития страны. В этом плане тенденция к “гуманизации” психологии, к отказу от ее естественнаучных оснований, проявляющаяся в последнее время в отечественной психологической науке, сближает ее с наукой развивающихся стран, что неудивительно. Так, удельный вес технического персонала в отечественной науке существенно меньший, чем в западной [4], что связано с общеизвестными проблемами в ее финансировании. Это касается всех наук, в том числе и отечественной психологии, которой в подобных условиях проще развивать гуманитарную парадигму, не требующую капиталоемкого технического обеспечения.

Налицо и тенденция к *феминизации психологии*, которая “во многих частях мира предоставляет большие возможности для женщин, чем другие науки” [36, с. 25]. Однако здесь имеются большие различия между разными странами. В. Секстон и Дж. Хоган подсчитали, что в европейских странах 53% всех психологов составляют представительницы прекрасного пола, в странах Южной Америки и Карибского бассейна – 70%, а в странах Азии – только 25% [34]. Феминизации в разной степени подвержены и различные разделы психологии. Так, Д. Таргуд и Дж. Вейнман выявили, что среди американских докторов психологии феминизация, количественно характеризуемая как соотношение женщин и мужчин, максимальна в психологии образования (2.38), психологии развития (2.36), школьной (1.89), социальной (1.74), консультативной (1.52) и клинической (1.42) психологии, а минимальна – в экспериментальной (0.52) и организационной (0.75) психологии [38]. Т.е. в целом женщины-психологи, по крайней мере, американские, меньше, чем мужчины, любят экспериментировать и явно тяготеют к тем разделам психологии, которые связаны с детьми, что в целом вписывается в традиционные гендерные стереотипы.

В связи с феминизацией психологии иногда высказываются опасения, что она может привести к снижению престижа этой деятельности. Например, на том основании, что в условиях массового притока женщин в те сферы деятельности, которые традиционно были мужскими, обычно происходит снижение их престижности [36]. Иногда, впрочем, высказывается и обратное предположение – о том, что феминизация психологии

является следствием ее относительно невысокой престижности [там же].

Тематическая “карта” психологии в целом выглядит вполне интернациональной. Выражена тенденция к сосредоточению основных финансовых потоков прежде всего в когнитивной психологии и нейропсихологии [39]. Вместе с тем проявляется и национальная специфика. Так, например, в японской психологической науке развиваются такие области, как *Zen*-психология и другие восточные психологические системы [там же.], т.е. интернациональность господствующей психологической тематики дополняется специфическими акцентами психологической науки, связанными с особенностями той или иной страны и культуры. При этом психологическая наука обнаруживает одну из самых высоких, в сравнении с другими научными дисциплинами, “местную привязку”, что проявляется, например, в довольно низкой доле эмигрантов-психологов. Например, в США психологи составляют наименьший процент (9%) эмигрантов со степенью доктора наук [37].

Интернациональной чертой, проявляющейся в мировой психологии с 50-х гг. прошлого века, является *стремительное развитие практической психологии* на фоне относительного забвения традиционных академических областей исследования. М. Розенцвейг проследил эту тенденцию в таких странах, как США, Канада, Австралия, Германия, Финляндия, Португалия, Испания, Норвегия, Аргентина, Бразилия, Куба, Турция, Индия, Мексика, ЮАР и др. [36]. Это позволяет говорить о ее подлинно интернациональном характере. Она отчетливо проявляется и в современной России, где на многочисленную армию психологов-практиков приходится два психологических НИИ – Институт психологии РАН и Психологический институт РАО. В индустриальных странах динамика численности академических психологов в последние десятилетия выглядит как “плато”, в то время как численность психологов-практиков нарастает по экспоненте [там же]. А.В. Секстон и Дж. Хоган выражают опасение, что эта тенденция может привести к тому, что в скором времени мы будем иметь “психологию без науки” [там же, с. 476].

Стремительное возрастание количества психологов-практиков на фоне относительной девальвации традиционной академической психологии⁵ привело к формированию непростых и достаточно напряженных отношений между психологами-исследователями и психологами-практиками, а в некоторых странах – и к расколу

⁵ Отметим, что аналогичная тенденция характерна для всех наук: “В течение всего XX столетия удельный вес прикладного исследования нарастал. Доля же чистой науки относительно сокращалась” [17, с. 117]. Но особенно отчетливо эта тенденция проявляется в последнее время ([20] и др.).

психологических ассоциаций [36]. Эта тенденция тоже отчетливо выражена в современной России, где наблюдается “схизис” [3] между исследовательской и практической психологией, а отношения между их представителями отнюдь не безоблачны.

Отметим, что подобная ситуация кроссдисциплинарна, т.е. характерна для многих социогуманитарных дисциплин. Например, в социологии происходит размежевание трех основных ипостасей (фактически – самостоятельных профессий) этой профессиональной деятельности: социолога-ученого, социолога-прикладника и социального технолога. При этом, как отмечает М. Задорин, “В фундаментальной науке просто не хватает денег для обеспечения достойного существования и экономически не стесненного занятия любимым творчеством. А в прикладной сфере не хватает символического капитала и соответствующих профессиональных статусов, подтверждающих свою компетентность и профессионализм. Вот и получается, что ученый бежит за деньгами в “коммерческую халтуру”, доказывая одновременно себе и другим свою “востребованность”, а прикладник вынужден на полгода “уходить из бизнеса”, чтобы написать кучу не очень научных статей в очень научных журналы и получить “корочки” кандидата или доктора, в общем-то мало-полезные для его непосредственной деятельности” [5, с. 71]. Впрочем, появление на нашем специфическом рынке таких его сегментов, как проплаченные “защиты под ключ” (см.: [31]) и т.п., позволяет социологам-бизнесменам получать ученые степени “без отрыва от производства”.

Нечто подобное наблюдается и в психологии. Академические психологи тоже равнодушны к впечатляющим гонорарам психологов-практиков, а те – к имеющимся лишь у немногих из них ученым степеням. К тому же, академические психологи подчас воспринимают психологическую практику если не как торговлю воздухом, то как продажу, причем за немалые деньги, весьма сырого и ненадежного знания, которое, прежде чем выставлять на продажу, следовало бы многократно перепроверить в психологических лабораториях⁶. Немало проблем возникает и в отношениях научного психологического сообщества с теми психологами-практиками, которые обслуживают политиков. В процессе подготовки и проведения избирательных кампаний, предполагающих различные формы “одурачивания” избирателей

(“черный пиар”, “грязные” политехнологии и т.п.), эти психологи грубо нарушают этические нормы науки (и не только науки). В.Е. Семенов задается вопросом: “Ведают ли что творят те социальные и политические психологи, которые готовят якобы бизнесменов, якобы лидеров, якобы политиков, якобы победителей? А на самом деле – людей без идеалов и принципов, манипуляторов и шарлатанов” [21, с. 42]. Иногда раздаются призывы к отлучению таких психологов от психологического сообщества.

Но даже если подобных нарушений не происходит, наблюдается расхождение этических систем фундаментальной и прикладной науки, на неизбежность которого обращает внимание Б.И. Пружинин: “Поиски истинного знания являются для фундаментального исследования вещью самодовлеющей; для прикладного исследования истина является ценностью инструментальной, а самодовлеющей ценностью оказывается как раз технологическая эффективность знания” [17, с. 116]. Это обуславливает расхождение ценностных ориентаций, характерных для двух страт научного сообщества.

Отмечается и то, что практическая психология, в отличие от академической, во многом носит “теневой” характер, углубляющий “схизис” между ними. В.Б. Хозиев пишет, что “значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, давно и надежно занятой ею в современной культуре” [25, с. 190]. “Теневой” характер этой ниши определяется тем, что “невидимая миру работа идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Следствием такого положения дел является весьма своеобразная рефлексия, публикуемая в виде описаний “консультативных случаев” в общедоступных журналах. В свете этого возникает представление о ненаучности, приблизительности и поверхностности характера консультативной психологии” [там же].

Любопытно, что если для самой психологии характерен разрыв или “схизис” [3] между исследовательской и практической психологией⁷, т.е. психологией как наукой и психологической практикой, массовому сознанию, напротив, свойствен-

⁶ В этом плане наиболее показательно отношение к психоанализу, ни одно из базовых положений которого, до сих пор не получило нормативного для науки эмпирического подтверждения. Отмечаются, в частности, “вызывающая метафоричность” психоаналитической теории, “сомнительность его доказательной базы” и т.п. [25].

⁷ Этот “схизис” имеет не только когнитивную, но и социальную составляющие, предполагая соответствующий раскол психологического сообщества. Ф.Е. Василюк описывает его так: «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о “звездах” психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» [3, с. 26].

но не видеть различий между ними и возлагать на психологическую науку ожидания, которые можно предъявлять лишь психологической практике⁸. В результате академических психологов часто обвиняют в том, что, имея ученые степени и звания, они не способны решать практические проблемы. Это примерно то же самое, что требовать от биолога умения удалять аппендицит, а от физика – чинить телевизоры или холодильники. Хотя в первом случае используется биологическое знание, а бытовые приборы изготовлены на основе знания физического, ученые как производители этого знания вовсе не обязаны быть специалистами по его практическому применению и, как правило, не являются ими, что, казалось бы, должно быть очевидным и для обывателя, однако ясно далеко не всем. А к психологической науке в полной мере применимы слова, сказанные одним из наших социологов в отношении социологии: “Донести до властей предрежающих голос народа, помочь обществу понять самое себя – очень сильные стимулы (и в некотором смысле многими они воспринимаются как долг, миссия), однако не являющиеся чисто научными ценностями. Строго говоря, настоящий служитель науки никому, кроме Бога и Истины, ничего не должен. Чего, конечно, нельзя сказать о социологе-прикладнике” [5, с. 69].

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Несмотря на отсутствие какой-либо удовлетворительной “инвентаризации” отечественного психологического сообщества, отдельные оценки места психологической науки и практики в современном российском обществе все же имеются. Так, общая численность психологов в современной России оценивается цифрами порядка 150 тыс. человек, хотя симптоматичны как большой разброс количественных оценок их численности, так и отсутствие внятных указаний на источники оценок. Приводятся данные о том, что в одной только системе образования у нас задействовано 64 тыс. психологов, в стране действует более 700 психолого-медико-социальных центров. Подсчитано, что с 1990 по 2000 гг. в нашей стране было издано 64 учебника и 109 учебных пособий по психологии (для сравнения в правоведении – 455 учебников и 488 учебных пособий, в экономике – соответственно 153 и 321) [12].

⁸ Это вписывается в нашу давнюю традицию. “У нас вечно путают чистую науку с прикладной” – писал П.Л. Капица еще в те годы, когда в нашей стране науку чтили и уважали, а всевозможные маги и экстрасенсы не выступали от ее имени (цит. по [17, с. 113]).

В данной связи уместно упомянуть также результаты проведенного Центром РОМИР опроса, который продемонстрировал, что наши студенты делят социогуманитарные науки на три категории, относя к “дисциплинам-лидерам” экономику и право(ведение), к “перспективным дисциплинам” (“специальностям будущего”) – социологию, психологию, политологию и международные отношения, к “дисциплинам-аутсайдерам” – историю, филологию, философию, культурологию и педагогику [2].

Представляют интерес и данные о частоте обращения наших сограждан к психологам, тоже полученные не психологами, а социологами – Фондом “Общественное мнение”. Проведенный ФОМ опрос показал, что телепередачи, посвященные проблемам психологии⁹, смотрят часто 9% наших сограждан, смотрят редко – 30%, не смотрят вообще – 60%. Публикации или книги, посвященные проблемам психологии, читают часто 16%, читают редко – 9%, не читают вообще – 73%. При возникновении душевных переживаний, проблем в личной жизни или в отношениях с другими людьми к кому-либо за советом, психологической поддержкой, помощью обращаются 37%, не обращаются – 58%. За помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту когда-либо обращались 6% (в Москве – 12%), не обращались – 93%. Допускают для себя возможность в будущем обратиться за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту 33%, исключают – 47%. Считают, что сегодня в нашей стране профессиональных психологов, психотерапевтов, служб, оказывающих профессиональную психологическую помощь, слишком много – 14%, что их слишком мало – 22%, что их столько, сколько нужно – 20% (затруднившихся ответить на данный вопрос 44%). Полагают, что профессиональные психологи и психотерапевты в целом заслуживают доверия и обращение к ним обычно приносит пользу – 36%, что они в целом не заслуживают доверия и обращение к ним обычно не приносит пользы – 18% (затруднившихся ответить 47%) [13].

Из представленных данных можно сделать три основных вывода. Во-первых, отечественная психологическая культура имеет “закрытый” характер: большая часть наших сограждан носит свои психологические проблемы в себе, не обращаясь к кому-либо за психологической помощью и поддержкой. Описанный выше опрос ФОМ показал, что 58% респондентов, по их словам, вообще ни к кому не обращаются за советом и помощью при душевных переживаниях, а обращаются только

⁹ При изложении результатов опроса приводятся формулировки, использованные его организаторами. Процент затруднившихся ответить в отношении большинства вопросов автором опускается.

37% [16]. Во-вторых, в России пока не сформировалась очень характерная для Запада культура обращения к профессиональным психологам и психотерапевтам, к которым обращались лишь 6% россиян¹⁰. Психологические проблемы в нашей культуре принято решать с помощью друзей и горячительных напитков, а не психологов. Поэтому показательно, что почти половина наших сограждан не может сказать ничего определенного про отечественные психологические службы, психологов и психотерапевтов, очевидно, ничего не зная о них (о чем свидетельствует высокий процент затруднившиеся ответить на соответствующие вопросы). «“Коллективная репутация” данного сообщества находится еще в стадии формирования», – делают вывод авторы опроса [16, с. 95]. Обращающихся к психологам нередко характеризуют как “людей, слабых духом”, “не уверенных в себе”, “не умеющих совладать со своими слабостями”, “психически неуравновешенных”, “душевнобольных”, а то и вообще как “пьяниц” и “наркоманов” [там же]. Проявляется весьма любопытный российский стереотип: напиться при возникновении психологических проблем – проявление силы, а обратиться к психологу – проявление слабости. В-третьих, существует большое количество людей, которые смотрят телепередачи, посвященные психологическим сюжетам (в сумме 39%), и читают соответствующую литературу [13], что говорит хотя и о не преобладающем, но все же о массовом интересе к ним. Т.е. в нашей стране достаточно выраженный интерес к психологии сочетается с редким обращением к профессиональным психологам и психотерапевтам, а удовлетворяется в основном просмотром телепередач и чтением соответствующей литературы.

Отметим и еще два обстоятельства. Во-первых, обращение к психологам воспринимается в России как развлечение для богатых. Только 14% опрошенных ФОМ респондентов выразили уверенность в том, что услуги психологов доступны по цене таким людям, как они, 47% – убежденность в том, что они недоступны, а 16% характеризовали клиентуру психологов как людей “обеспеченных”, “богатых”, “с высоким достатком”, “тех, у кого деньги некуда девать” [16]. Разумеется, причина подобного стереотипа отчасти состоит в простой неосведомленности: некоторые службы психологической помощи населению предоставляют бесплатные услуги, о чем информируют объявления в метро, которые значительная часть населения, судя по его неосведомленности, оставляет без внимания. Но следует признать и то, что многие наши практикующие психологи

своими впечатляющими финансовыми аппетитами внесли вклад в закрепление данного стереотипа. В этом плане наша страна пока заметно отличается от западных стран, где существуют психологи как для богатых, так и для бедных (у нас же дело здесь обстоит пока по-русски: либо дорого, либо – бесплатно, середина отсутствует). Во-вторых, среди молодых респондентов (18–35 лет) 44% допускают возможность обращения к психологам или психотерапевтам, не допускают – 38 %, в то время как среди лиц среднего возраста (35–55 лет) – соответственно 31% и 48%, а среди относительно пожилых (свыше 55 лет) – 21% и 56%. Воспроизведем вывод авторов опроса: “Столь ощутимые межпоколенческие различия определенно указывают на перспективу расширения потенциальной клиентуры профессиональных психологов, ослабление предубеждения против обращения к их услугам” [16, с. 95].

В плане оценки места психологии (и психологов) в современном российском обществе симптоматичны также данные другого опроса, проведенного Фондом “Общественное мнение”. На вопрос о том, представители каких специальностей больше всего нужны сегодня России, нашему обществу в целом¹¹, психологию отметили 25% опрошенных (более высокие места в выстроенной таким образом иерархии социогуманитарных дисциплин заняли педагогика, которую отметили 39% опрошенных, экономика – 38%, юриспруденция и право – 29%)¹². Отвечая на вопрос о том, какие из этих специальностей пользуются наибольшей популярностью у молодежи, психологию называли 19% респондентов (юриспруденцию и право – 55%, экономику – 48%, менеджмент и управление – 46%, журналистику – 23%). Психологию в числе специальностей, с которыми легче всего устроиться на хорошую, высокооплачиваемую работу, отметили лишь 5% опрошенных (юриспруденцию и право – 37%, экономику – 32%, менеджмент и управление – тоже 32%, международные отношения – 15%, журналистику – 13%, архитектуру – 6%). Среди всех респондентов 5% обозначили психологию как специальность, которую они выбрали бы, если бы у них была возможность получить любую из гуманитарных и социальных специальностей (юриспруденцию и право – 12%, экономику – 10%, международные отношения – 7%) [14].

Эти данные тоже достаточно красноречивы. С одной стороны, психология воспринимается как одна из четырех специальностей, наиболее востребованных в современной России, пользую-

¹⁰В.Б. Хозиев отмечает, что “приход и обращение в консультацию есть своего рода фильтр рандомизации – это особая выборка подопечных, которая уже поняла что-то” [25, с. 204–205].

¹¹Вновь приводятся формулировки, использованные при проведении опроса.

¹²Здесь, как и далее, в скобках перечислены лишь те дисциплины, которые в этой иерархии заняли более высокие места, нежели психология.

щихся популярностью у молодежи. С другой стороны, возможность хорошо зарабатывать, работая психологом, оценивается невысоко, с чем, вероятно, связана и скромная доля респондентов, которые хотели бы иметь эту специальность. Кроме того, общее количество респондентов, воспринимающих психологию в качестве одной из самых нужных для нашего общества профессий, составляет лишь 25%, и налицо тенденция считать педагогику, экономику и право более важными профессиями. Конечно, *восприятие* места психологии в нашем обществе людьми, имеющими о ней не слишком ясные представления, не выражает ее истинного места, но определенное соответствие между социальными представлениями о реальности и самой реальностью в данном случае, как и во всех прочих, все же имеется.

Место психологической науки и практики в нашем обществе запечатлевается и во внимании, уделяемом им отечественными СМИ. С одной стороны, психология не обделена их вниманием, пользуется репутацией одной из наиболее интересных для обывателя сфер профессиональной деятельности, в значительной мере “загадочна” для него, от чего становится еще более интересной, а психологические проблемы имеют практический у каждого, вследствие чего рекомендации психологов считаются полезными для широких масс. С другой стороны, преподнесение психологии отечественными СМИ выглядит весьма одиозным, что неудивительно на фоне отсутствия как базовой психологической культуры, так и культуры общения с психологами у основной части населения России. Состояние психологической науки, ее проблемы, достижения и т.п. воспринимаются как “не тема” для массового читателя или телезрителя, что органично вписывается в общую тенденцию снижения интереса отечественных СМИ к науке, а психологическая практика в отображении нашими СМИ в основном сводится к *поп-психологии*¹³, имеющей отдаленное отношение к научному психологическому знанию и предлагающей наиболее примитивные психологические рецепты. Подобное преподнесение психологии дополняется откровенной эзотерикой, рекламой “психологических центров”, оказывающих такие услуги, как помощь в общении с духами умерших, а также предложением услуг “докторов парапсихологии”, по совместительству являющихся магами белой и черной магии, обещающими “приворожить любовника”, “вернуть мужа за полчаса” и т.п. Отмечается, что “в борьбу за огромный социальный заказ, относящийся к области гуманитарной психологии, сегодня активно включились представители вне- и околонучных форм знания: поп- и парапсихоло-

гия, широко и незаслуженно использующие бренд психологической науки для продвижения своего товара. На российском рынке они успешно конкурируют с научной психологией” [10, с. 167–168]. Гремучая смесь тривиальностей, кабалястики и откровенного мошенничества подается обывателю от имени психологии. А эпизодическое обращение СМИ к профессиональным психологам в качестве комментаторов различных бытовых ситуаций, равно как и “раскручивание” таких личностей, как доктор Курпатов, мало влияют на общую картину и создают в массовом сознании крайне искаженный образ психологии и психологов.

Показательно и то, что при обсуждении различных проблем современного российского общества отечественными СМИ в качестве представителей научного сообщества привлекаются преимущественно политологи и экономисты, а не психологи. И здесь налицо большой контраст с западными странами – в Англии и США примерно три четверти выступлений СМИ по проблемам науки посвящены медицине, биоэтике и биологии человека. Далее идут науки о поведении, космонавтика и инженерия и лишь затем – политические науки [24]. Как отмечает В.П. Филатов, “такое распределение интересов более естественно для нормальных людей, озабоченных не экономическим выживанием, а качеством жизни и оздоровлением окружающей среды” [там же, с. 96], в то время как у нас “сейчас на общественной трибуне тон задают экономисты и политологи” [там же, с. 95].

Что же касается психологов, то в современном российском обществе они воспринимаются как специалисты по “малым делам”, таким, как психологические проблемы личности или семьи, а “большие дела” – проблемы государственного устройства или магистральных путей развития нашего общества – рассматриваются как находящиеся вне пределов их компетентности. Сбивается прогноз Г.П. Щедровицкого, который еще в начале 80-х гг. прошлого века предупреждал: «Если психологи будут медлить, они могут быть вытесненными в какие-то периферийные, маргинальные области ... И каждый раз, когда они будут пытаться расширить свою область изучения до некоторой целостности, будут пытаться придать ей осмысленность, им будут говорить: “Вы куда? Здесь уже все занято, мы уже все сделали!”» [28, с. 146–147]. Подобная ситуация резко дисгармонизирует с самосознанием самой психологической науки, представители которой констатируют, что “именно психология сейчас востребована как никакая другая наука” [10, с. 103], выдвигают такие формулы, как “улучшите природу человека, и вы улучшите все” (цит. по [26, с. 521]), и предрекают, что XXI век станет “веком психологии” [1].

¹³О ней см. [29].

Дисгармонирует она и с местом психологии в мировой науке, а также с вкладом в эту науку российской психологии. В общем потоке научных публикаций доля социогуманитарных наук не превышает 11%, но при этом удельный вес психологии (2.08%) максимален среди всех наук этой группы, более чем в 2 раза превышая долю экономики (0.99%) и почти в 4 раза – долю политических наук (0.55%) [8]. Российские публикации по социогуманитарным наукам составляют менее 1%, что, конечно, не радует, но, по общему признанию, во многом связано с языковым фактором и не выражает ее истинного вклада в мировую науку. А отечественная психология занимает в этом плане вполне неплохое – 6-е место (0.99% мирового потока публикаций по психологии), вновь опережая и экономику (9-е место), и политические науки (10-е место) [там же].

Таким образом, место психологии в нашем обществе выглядит если и не малозаметным, то, во всяком случае, резко дисгармонирующим с ее возможностями, амбициями, местом в мировой социогуманитарной науке и др., что могло бы стать одной из ключевых проблем социологии психологии, если бы такая область знания существовала. Не касаясь всего многообразия причин данной ситуации (более подробно они рассмотрены в [30]), отметим, что она во многом сопряжена с явно недостаточной *социальной релевантностью* психологической науки, которую было бы принципиально неверным сводить лишь к ее *практической* релевантности [там же]. Недостаточная социальная релевантность психологии сопряжена и с ее низкой активностью в выполнении подобных функций, и с ее неадекватным образом, сложившимся в нашем массовом сознании, и с тем, что типовые продукты психологического исследования – коэффициенты корреляции между переменными и др. – очень далеки от того, что является социально востребованным знанием¹⁴, а также с рядом других причин.

В психологическом сообществе и в системе его взаимоотношений с современным обществом наблюдаются важные тенденции, влияющие на основные траектории развития психологической науки и практики. Эти тенденции в основном носят интернациональный характер, первоначально обнаруживаясь на Западе, прежде всего, в США, но по прошествии некоторого времени проявляясь и в других странах. Вместе с тем, они облада-

ют и некоторой национальной, а в нашей стране – российской спецификой, “самой специфичной из всех специфик”. Главными ее проявлениями служат: а) “закрытая” психологическая культура современного российского общества, определяющая особый характер использования им психологической науки и практики; б) весьма скромное место психологии в “семействе” социогуманитарных наук (вопреки мировой практике), у нас выглядящей “младшей сестрой” экономики и политологии; в) приписывание психологам роли специалистов по “малым делам”, в то время как “большие дела” вершатся без их участия, что порождает типичный для наших социальных реформ результат, выражимый формулой: “опять забыли про человека”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева Г.М. Социальная психология и социальные изменения // Психол. журн. 2005. № 5. С. 5–15.
2. Белов Е.В., Плотникова С.Г. Социально-гуманитарное образование в России: материалы социологического исследования // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 225–311.
3. Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
4. Дежина И.Г. Кадровая политика государства в сфере науки: новые меры при старых подходах // Наука. Инновации. Образование. М., 2007. С. 309–322.
5. Задорин М. Апология “прикладности” или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 65–74.
6. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. М., 1980.
7. Корнилова Т.В. Означает ли свободная конкуренция идей отказ от критериев научности в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 2. Вып. 3. С. 120–129.
8. Маршакова-Шайкевич И. Вклад России в развитие мировой науки: библиометрическая оценка // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 314–345.
9. Миклулинский С.Р. Еще раз о предмете и структуре науковедения // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 118–131.
10. Мироненко И.А. Об источниках сомнений в прогрессе психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 94–106.
11. Мошкова Г.Ю., Юревич А.В. Психобиография – новое направление в изучении науки // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 67–75.
12. Нефедова З.А., Пахомов Н.Н., Розин В.М. Об обеспеченности высшего социально-гуманитарного образования учебной литературой // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах

¹⁴Х. Куликан задает риторический вопрос, в котором содержится и ответ: “Если мы проводим исследование, предполагающее хорошо контролируемые процедуры и точные, количественно определяемые, переменные, что рекомендовано в подавляющем большинстве учебников, не получаем ли мы в результате очень ограниченное, часто искусственное и совершенно бесполезное знание о человеческом поведении и опыте?” [32, с. 170]. Данное обстоятельство отмечается также Р. Харре [33] и многими другими авторами.

- России: Состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 312–317.
13. Опросы без комментариев // Социальная реальность. 2006. № 6. С. 59–66.
 14. Опросы без комментариев // Социальная реальность. 2006. № 12. С. 49–56.
 15. Основы науковедения / Под ред. С. Р. Микулинского. М., 1986.
 16. Профессиональные психологии в России // Социальная реальность. 2006. № 7–8 С. 95.
 17. Пружинин Б.И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки. М., 2008. С. 108–121.
 18. Рачков П.А. Науковедение: проблемы, структура, элементы. М., 1974.
 19. Родный Н.И. История науки, науковедение, наука // Вопросы философии. 1972. № 5. С. 36–49.
 20. Семенов Е.В. Сфера фундаментальных исследований в постсоветской России: невозможность и необходимость реформы // Наука. Инновации. Образование. М., 2006. С. 29–61.
 21. Семенов В.Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психол. журн. 2007. № 1. С. 38–45.
 22. Сироткина И.Е., Смит Р. “Психологическое общество”: к характеристике феномена // Психол. журн. 2006. № 1. С. 114–121.
 23. Социологические проблемы науки. М., 1974.
 24. Филатов В. Ученые “на виду”: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 89–96.
 25. Хозиев В.Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 190–206.
 26. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
 27. Шиянова И.А. Фундаментальное и прикладное знание в преподавании социально-гуманитарных дисциплин // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России: состояние, проблемы, перспективы. М., 2001. С. 70–78.
 28. Щедровицкий Г.П. Методологическая организация сферы психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 133–151.
 29. Юревич А.В. Поп-психология // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3–14.
 30. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психол. журн. 2006. № 4. С. 5–14.
 31. Юревич А.В. Теневая наука в современной России // Наука. Инновации. Образование. М., 2007. С. 41–54.
 32. Coolican H. Research methods and statistics in psychology. L., 1998.
 33. Harre R. The positivist-empiricist approach and its alternative // Human inquiry: A sourcebook of new paradigm research. Chichester, 1981. P. 20–48.
 34. International psychology: Views from around the world. 2-nd ed. / Eds. V.S. Sexton, J. Hogan. Lincoln, 1992.
 35. Moscovici S. Society and theory in social psychology // The context of social psychology: A critical assessment. N.Y., 1972.
 36. Rosenzweig M.R. What is psychological science // International psychological science: Progress, problems, and prospects. Washington, 1992.
 37. The next twenty-five years of technology: opportunities and risks // 21-st century technologies: promises and perils of dynamic future. OECD, 1998. P. 33–46.
 38. Thurgood D.H., Weinman J.M. Summary report, 1990: Doctorate recipients from United States universities. Washington, 1991.
 39. Tracy J.L., Robins R.W., Gosling S.D. Tracking trends in psychological science: An empirical analysis of the history of psychology // The life cycle of psychological ideas: Understanding prominence on the dynamics of intellectual change (path in psychology). N.Y., 1992. P. 105–130.

PSYCHOLOGY IN MODERN SOCIETY

A. V. Jurevich

Sc.D. (psychology), professor, deputy director, Psychological Institute of RAS, Moscow

It is considered that self-reflexion of psychology has reduced mainly to methodological reflexion and not to the development of psychological knowledge. At the same time the analysis of present situation in psychological community as well as its interrelations with society are the issue of the day and these should become the object of sociology of psychology. The author summarizes the main tendencies in the development of world and domestic psychological community and interrelations between psychological science and practice in the present-day Russian society. He makes it clear that psychological culture of our society is a “closed” one and psychology occupies an unpretentious place in comparison with other sociohumanitarian sciences, which is inconsistent with its possibilities and ambitions.

Key words: psychology, society, psychological community, sociology of psychology, psychological science and practice, modern tendencies, psychological culture.